

Да рассудит нас Огонь

Лян Бу

Почти весь предыдущий день Лян употребил на то, чтобы привести себя и дела в порядок перед боем. Нет, он не сомневался в своей победе над Гаосином, даже несмотря на разницу в возрасте и в крепости здоровья, он просто запретил себе в этом сомневаться. Место для сомнений и колебаний - до вызова. Когда вызов брошен, они ведут лишь к поражению. Любой воин впитывает эту мудрость с детства, а Лян знал ее из собственного опыта. Но тем не менее дела требовалось привести в порядок.

Первым делом он отправил гонца в клан львов к Ишэну с просьбой прибыть к вечеру. Сова был одним из двух врачей, перед которыми старый тигр решился бы признаться в слабом здоровье. Вторая была слишком далеко, чтобы успеть ко времени. Поэтому следующим делом было написать письмо в Линь Ян Шо, стараясь по возможности без лишних эмоций описать все произошедшее и предупредить, чтобы не ехала в резиденцию, не получив следующее письмо. Подставляя под удар еще и Шэн было последним, чего Лян бы хотел. Письмо вышло непривычно длинным. Пожалуй, даже слишком, несмотря на то, что Лян переписывал его трижды. В конце концов он плюнул на это и запечатав конверт, отправил его с одним из учеников в город. Обычная почта слишком медлительна, требовалась курьерская доставка, но и та успеет вряд ли быстрее, чем все будет кончено.

К обеду в дом Ляна пришел Ли Бо с докладом о подготовке поединка. Верные командиры для охраны периметра выбраны. Они будут стоять полукольцом со стороны резиденции. Направление в сторону озера и степи за границей владений клана будет свободно. Более и не требуется. Так же Ли упомянул, что подготовил отряд, чтобы вывести Юэ и Николая в Линь Ян Шо в случае чего, но Лян оборвал его на этом. Не сомневаться самому и другим этого не позволять. Только вперед. Ли ушел и остаток времени до прибытия Ишэна Лян провел в медитациях и молитве в домашнем храме. Сова прилетел когда уже начинало темнеть, вошел даже прежде, чем дежуривший в дверях ученик успел донести о его прибытии, но Лян не стал злиться на старого друга из-за нарушения церемоний. Не до церемоний было дело. Ишэн работал с ним весь остаток вечера и добрую часть ночи, приводя, насколько это вообще возможно, в подобие порядка сердце, сосуды, легкие, кости, мышцы. По хорошему такие сеансы старому тигру, разменявшему вторую сотню лет, нужно было бы устраивать как минимум раз в месяц, но закостенелое упрямство не позволяло Ляну прибегать к помощи целителей только в самых острых случаях. Спал вождь спокойно и глубоко.

Когда он проснулся, солнце едва край горизонта начинал едва-едва заметно светать, до рассвета оставалось не больше полутора часов. Вокруг его кровати догорали, видимо, оставленные Ишэном свечи. Самого целителя в спальне не было, видимо, он и сам утомился и ушел спать в гостевые покои. Умывшись и одевшись в белые церемониальные одежды, Лян вышел из дома, направившись к северным воротам резиденции. Тело слушалось удивительно легко и свободно. Не было привычной уже некоторой старческой усталости и скованности, каковые всегда

настигали его по утрам и к вечеру. Казалось, тело сбросило с плеч десяток лет. Это хороший знак. Выйдя за ворота и дав указания часовым не сопровождать, Лян двинулся легким бегом вверх по тропе, уходившей на соседний холм. На каждый десятый шаг он выпускал из ладони себе под ноги небольшой сгусток пламени, на каждый пятнадцатый - выдыхал струю. Сочетание бега с магией и счетом - что еще нужно для хорошей разминки. Пробежав так километров 5, он развернулся и перекинувшись в прыжке, на четырех лапах помчался по той же тропе обратно. Утреннюю зарядку можно было считать оконченной.

К тому времени, как он вернулся домой, солнце как раз начало подниматься над горизонтом. Пора. Выпив чашку чая и повязав на пояс меч, Лян направился к берегу озера, где уже были выстроена армия. Под навесом, предназначавшимся для старейшин, пока находился только Ли Бо. Он вышел навстречу вождю и только по его шагу Лян почувствовал, как волнуется его старый друг. Поприветствовав Ли улыбкой и коротким поклоном и удостоверившись, что все готово к началу, тигр прошел мимо навеса через расступившийся строй воинов прямо на середину площадки. Именно здесь годы тому назад он хоронил Рё. Но сейчас не думать о ней. Есть только он, его соперник, и Огонь, который всех рассудит.

Путеводная Нить

Шань Гаосин провел остаток дня в кругу семьи. Общался с сыном, играл с внуками. Как ни странно, это помогало расслабиться, сбросить напряжение от суда и укрепить уверенность в своих силах и своем решении. Он прекрасно понимал, чем рискует, когда выступил в защиту Вэня. И этот исход для него, Гаосина, при любом раскладе будет наилучшим. Если он победит, то сохранит честь рода и жизнь сына. Если же вождь одержит верх, Шаню будет все равно, как и любому мертвецу.

Вечером старейшина удалился в личную медитативную комнату. Закрывшись изнутри, старый тигр начал зажигать свечи своей магией. Огонь слушался его, как и в далекой молодости, не растерял старейшина сноровку, не зря продолжал регулярно тренироваться. Рано его на покой списывать. На губах старейшины заиграла хищная улыбка.

Шань опустился на колени среди горящих свечей. В бой нужно идти с чистой душой, не должны болтаться грузом воспоминания, а Гаосина иные тайны подтачивали изнутри на протяжении всей жизни. Он вспоминал.

Молодость. Еще молодым воином он наблюдает за тренировками Рё. Молодая, гибкая, сильная девушка отрабатывает огненное ката для приближающегося экзамена. Гаосин предлагает потренироваться вместе...

Пламя свечей вспыхнуло чуть ярче.

Вот Рё, сдавшая экзамен, готовится к первому боевому патрулю. Гаосин, уже опытный воин с несколькими покойниками на счету, держится рядом. В том бою девушку ранили, зацепив мечом, и только благодаря Гаосину не добились. Шрам у нее остался на всю жизнь.

Свечи вновь вспыхнули.

Рё училась быстрее большинства своих одногруппников. Она с Шэн почти одновременно стала боевым командиром. Гаосин же был произведен в командиры лишь год назад. Дружба между ними окрепла, но Шань хотел большего, а Рё словно тбы и не замечала. От Шэн переняла идиотскую фразу "среди воинов белых тигров баб не бывает". Их отправляют в Дели. Возможно, там он сможет объясниться ей...

Очередная вспышка пламени осветила лицо старейшины с застывшей гримасой боли.

Все кончено. Рё связалась с приезжим пакистанцем. Шань узнал об этом совершенно случайно, через его руки прошел денежный перевод, в котором она выкупала дом в деревеньке около Лахора. Выяснить, кто там поселился, труда не составило. Она отвергла его, Гаосина из родного клана, ради какого-то хмыря, не являвшегося даже воином. Теперь каждая минута общения с Рё Шэ была пыткой: знать, молчать, и не подавать виду. И искусно играть роль верного друга, не имея возможности даже намекнуть о своем знании или о своих чувствах. Несложно было догадаться, куда и почему она исчезла на пятый месяц с момента покупки дома. Это была безвыходная ситуация: общие дети накрепко связывали ее с тайным мужем, и никак, никак нельзя было разорвать эту связь. Даже, если бы Шань рассказал обо всем в клане, это ничего бы не дало. Рё только возненавидит своего друга, и все. Когда любовь остается без ответа, она уничтожает человека изнутри. Сминает его уверенность в себе, рушит его гордость, если от нее еще что-то осталось, рвет на части сердце и злобным безжалостным монстром поселяется в его душе, мучая каждый день и час. С ним невозможно бороться, пока есть надежда. И надежда появилась спустя десять лет. Радж, местная шестерка, привел к Гаосину двух японцев. Их условия были просты: крупная сумма денег в обмен на информацию о семье Рё. Как утверждали эти жибени, муж Рё Шэ чем-то насолил им, и они жаждут мести. Тогда Гаосин не заподозрил подвоха, дал им название деревни с одним условием: убить должны Эсхана и детей, но Рё не тронуть. Надежда, почти было угасшая, вспыхнула с новой силой: тигрица останется одна, и у него, Гаосина, появится шанс...

Его обманули. Целью была именно Рё Шэ. После нападения на деревеньку исчезли и японцы, и Радж, а Гаосину только и оставалось, что замечать следы. И долгие годы жизни с этой тайной...

И вот теперь Юэ с этим сволочным европейцем докопались до истины, и чтобы спасти свою честь и жизнь, Гаосин дал сыну приказ убить дочь Рё Шэ...

Каждый раз пламя свечей вспыхивало, словно сжигая эти воспоминания. К полуночи, когда Гаосин вышел из комнаты, голова была пустая. Не оставалось ни мыслей, ни эмоций. Теперь можно было дать отдых телу перед боем.

Проснувшись, старейшина выпил чашку чая с лавандой и отправился к озеру. Благодаря несложной медитации, Гаосин отлично выспался и был полон сил. По дороге старейшина успел размяться и пропустить энергию по Сушумна-Нади, активизируя все чакры. На этом поединке предстояло выложиться по полной.

Юэ Шэ

Ночью Юэ практически не спала. Накануне весь вечер в доме была суматоха: младшие вполголоса обсуждали предстоящий поединок, хозяин дома, наоборот, будто старался наладить еще более строгую дисциплину. Он давал распоряжения своим людям, но постоянно отлучался из дома, возможно, занимаясь подготовкой дуэли.

Юэ старалась не отвечивать, и даже почти не пререкалась с постоянно оказывавшимися поблизости Ванами. Она все сильнее злилась на Шаней, будто все мары Вселенной воплотились в одном старейшине и его сыне. При этом девушка

знала, что нельзя держать в себе гнев, потому что он - это ша-ци, пожирающая силы, которых и так было немного. Просто следы травм, доказывавших, что тигры плохо летают, не давали тренироваться, а молиться в храме было боязно, потому что там можно было нарваться на нежелательных свидетелей.

Девушка до поздней ночи сидела в своей комнате, перебирала четки и чуть слышно шептала матрну Зеленой Тары, молясь лишь о том, чтобы вновь обрести способность видеть мир за пеленой страха и ненависти. Она надеялась, что после того, как бой закончится, и закончится победой вождя, все вновь встанет на свои места. Что ставший как никогда родным клан останется кланом, а не разрозненной стаей озверевших тигров. Что поступки Шаней - это исключительный случай, смертный грех, но никак не норма, и потому и старейшина, и его сын заплатят жизнью за предательство и смуту.

Утром Юэ отправилась к месту поединка вместе со всеми младшими воинами, остававшимися в тот день в доме старейшины Бо. Она села возле Николая, чуть в стороне от братьев Ван. Поклонившись вождю, она замерла, дожидаясь начала огненной дуэли. На руке у девушки были четки из зеленой яшмы, оставшиеся ей как память о матери. За прошедшие сутки Юэ с ними не расставалась.

Николай Триколенко

День ожидания, когда от тебя ничего не зависит, когда только и остается, что надеяться на силы престарелого тигра, которому за сотню лет - страшная пытка. Парень не знал о распоряжениях, отданных Ли Бо, считал, что завтра решится вопрос его с Юэ жизни и смерти. Братья Ван благоразумно не трогали парня, и это было хорошо: сейчас за себя Николай не ручался.

Если бы не телефон с музыкой, неизвестно, что пришло бы парню в голову, что бы он себе накрутил, а так - наушники в уши, запереться в комнате, и понеслась. Батарея села когда парень спал беспокойным сном. Несколько раз он просыпался из-за кошмаров, и наступление утра воспринял с облегчением.

Не было сил даже мысленно язвить по поводу столь раннего часа для поединка. Парень просто пришел, сел около Юэ, и стал ждать начала схватки. Он не знал о приготовлениях Ли Бо и был уверен, что от исхода Агникая зависит и его жизнь, и, что важнее, жизнь Юэ. Собственно, ничего, кроме как ждать, им не оставалось.

- Поединок ведь магический, зачем меч? - шепотом спросил Николай у девушки, бросив быстрый взгляд на вооруженного вождя.

Лян Бу

Соперник явился вовремя. Это было хорошо, ибо ожидание решающего поединка всегда много хуже и тяжелее его самого, даже если он может означать конец твоей собственной жизни. Увидев Гаосина, Ли Бо сам подошел к Ляну и вождь отцепив меч от пояса отдал его с поклоном. Церемониал всегда церемониал, даже если ожидание боя становится невыносимым. Подождать еще минуту, соблюсти все традиции. По знаку Ли поднялись на ноги командиры охраны периметра. Им сейчас придется немногим легче, придется перехватывать и сдерживать потоки пламени и хорошо если только его. А уж пламени будет довольно, будьте покойны.

Соперники вышли на середину импровизированной арены, встав напротив друг друга на расстоянии примерно в две дюжины шагов. Низко поклонились друг другу. Лян дернул ворот своей рубахи, стягивая ее через голову. Он отбросил ее в сторону, и метнул вдогонку сгусток оранжево-голубого пламени. Ткань вспыхнула в полете и не успев коснуться земли сгорела почти дотла. Еще один церемониальный жест, призванный показать открытость и честность поединка. Дождавшись ответного жеста, тигр принял боевую стойку.

Раздался удар гонга. Легкая дрожь прошла по спине, от Муладхары до Анахаты и выше к Вишуддхе и Аджне. Пора начинать. Короткий шаг вперед левой ногой, на втором шаге замах правой, разворачиваясь вокруг собственной оси. Нога описала косую дугу и резко пошла вниз, выпуская сплошной поток пламени в сторону Гаосина. Как только нога коснулась земли, снова шаг левой, выбрасывая обе сжатые в кулак руки вперед и посылая два напоминающих кометы сгустка вдогон. Начинать с разминки Лян не собирался. Если бить, то сразу так, чтобы наверняка.

Путеводная Нить

Вождь уже дожидался Гаосина. Следовало, в принципе, ожидать: Лян Бу не из тех, кто откладывает дела в долгий ящик. Вот только на этот раз все будет по-другому. Церемониал церемониалом, но Шань Гаосин - не пленный Кайлаш и не приговоренный Вэнь. Агникай - это поединок, а не казнь, и тут неизвестно еще, кто победит...

Гаосин пришел без меча, и, пока вождь передавал свое оружие Ли Бо, старый тигр успел подготовиться к поединку. Страсти и желания - то, что питает магию огня. Важно уметь контролировать их, не дать гневу овладеть тобой, но и не сдерживать его. Твоя ненависть сделает тебя сильным. Истинная мощь достигается лишь путем испытания пределов своей злости, выходящей без сопротивления. Ярость должна находить дорогу через злость без замедления. Именно поэтому магия огня таит в себе невероятную мощь, и именно поэтому нужно иметь невероятную силу воли, чтобы огонь страстей не сжег тебя самого. Лян с Шанем одновременно стянули с себя рубашки, и за эти доли секунды, что лицо Шаня было скрыто за тканью, изменилось: во взгляде виднелась чистая, всепоглощающая ненависть. Собственно, сейчас Гаосин просто снял маску, что носил все эти годы: это ведь вождь дал Шэн с Рё возможность тренироваться, это он превратил их в подобие боевых машин, именно из-за него Рё стала воином, а не женщиной, за которой можно было ухаживать, к которой можно было возвращаться после походов. Это вождь покрывал ее с Шэн выходки, казнил Ю Ди Яо, не выдержавшего лицемерия Шэн Бо, напичкавшей свою подругу феминистскими лозунгами, кто время, как белобрысая тигрица нагуляла ребенка с учеником. И именно вождь дал согласие на то, чтобы Юэ тоже стала воином. Перемирие с кобрами и прочее - добавка на фоне личных счетов, о которых Гаосин до этого утра не признавался даже самому себе.

Рубаха полетела в сторону, вспыхнула и в мгновение ока превратилась в облако пепла. Маски отброшены, пришел черед схватки. Гаосин еле успел встать в стойку, как ударили в гонг, и Лян тут же атаковал. Хорошо атаковал, тоже не растерял сноровку за годы правления, и двигался все так же...

Мысли прошли на самом краю сознания, а тело реагировало, словно бы само по себе. Гаосин ушел перекатом вбок от огненной волны, после чего выставил руки вперед, выпуская перед собой нечто вроде огненного щита, принявшего на себя

удары огненных шаров, выпущенных вождем. Сам Гаосин ответил чуть проще: он провел ногой полукруг по земле, пуская волну огня вождю под ноги: пусть попрыгает, в его возрасте это полезно...

Лян Бу

Шань был зол. Не требовалось слишком уж хорошего зрения, чтобы это понять. Что ж, это его выбор в этом поединке. Выбор, которого Лян себе не позволял. Ненависть может только уничтожать, причем уничтожать и тебя самого, даже если ты даешь ей выход. Огонь горит ярко, горячо и быстро, но не без сдержек его становится все труднее направлять и контролировать.

Вот и посмотрим, чей путь Огня сильнее и устойчивее, - только и успел подумать он, когда Шань без видимых раздумий преодолел его первую атаку и ответил, - *Посмотрим, выйдет отсюда все равно только один.*

Огненная дуга стелилась по земле весьма шустро, не оставляя даже времени полюбоваться чистотой и точностью исполнения. Это пускай оценивают зрители, если кому-то из них есть до этого дело. Лян сделал шаг вперед, еще один, на третьем оттолкнулся и прыгнул. Правая нога описала дугу на развороте, выпуская огненный серп в направлении противника примерно на уровне груди. Опустившись на землю, Лян тигр выбросил руки вперед, выпуская еще два шара по ногам Шаня и шагнул снова, выпрямляясь.

Путеводная Нить

Лян пошел на сближение. Это удивляло Гаосина, но и играло ему на руку: чем ближе дистанция - тем больше исход поединка будет зависеть не от умения управлять стихией, а от выносливости и скорости реакции. Вождь принял навязываемый ему Шанем стиль боя, заключающийся в большом количестве перемещений, уклонений от атак противника, а не обмену магическими ударами. Это было хорошо: Шань, скорее всего, уступал Ляну во владении стихией, но был моложе и дольше мог позволить себе прыжки и перекаты, пока не собьется дыхание, столь важное во владении огнем. Из всех мыслей остался лишь просчет ситуации. Гаосин сейчас находился на Грани – том состоянии, когда эмоции максимально сильны, но не настолько, чтобы взять контроль над использующим их. Находясь на грани, Шань получал силы от эмоций по максимуму, но пока сохранял способность мыслить логически. Хождение по грани было подобно хождению по канату, протянутому над бездной. С одной стороны – слабость, с другой – потеря контроля. Нащупывание эфемерной грани являлось ключевым моментом в сегодняшнем использовании эмоций Гаосином. Это было очень сложно, но это был единственный путь к победе над вождем. Шань знал, что его огонь горит ярко, слишком ярко, что он все равно понемногу сжигает и самого Гаосина, но сегодня он дрался не за себя, а за сына. Старейшина не боялся смерти, но Вень не должен был расплачиваться за ошибки отца ни при каком раскладе.

Старый тигр упал на одно колено, пропуская пущенную вождем волну у себя над головой: нечего было лишний раз рыпаться, тратить силы. Этот поединок в два-три удара не закончится, следовало измотать Ляна, сбить ему дыхание и добить. Шань ждал. Он внимательно смотрел на вождя, ожидая первых признаков усталости: сбившегося дыхания, неудачного прыжка или более тяжелого приземления,

задержки в реакции... чего угодно.

Два огненных шара Шань вновь принял на сотканный из пламени щит: у него хватало сил чтобы отражать простые атаки, затрачивая чуть больше энергии, но не изматывая тело прыжками и перемещениями. Гаосин ответил, сложив вместе основания ладоней и выпустив из них огненную дугу по диагонали, и почти тут же топнул ногой по земле, посылая волну пламени чуть вбок, туда, куда должен был откатиться вождь, если снова решит уклониться от атаки, рассчитывая достать Ляна на земле, пока тот не встанет для прыжка.

Лян Бу

Гаосин явно сэкономил силы и движения. Учитывая горящий в нем огонь ярости.. не самое лучшее решение. Это пламя ищет выхода и если ты сам ему его не даешь в полной мере, оно прорвется рано или поздно само, и тебе же хуже. Лян знал это на собственном горьком опыте, потому старался держаться на пару шагов дальше от этого края, черпая силу не в ярости, а в самой жизни и тепле солнца, что так щедро заливало сегодня берег озера Фева. Значит надо давить, давить пока не прорвет, пока не сожжет. Выдержать этот удар и добить.

Лян быстро сделал несколько широких шагов назад, наклоняясь, и разворачиваясь, чтобы уйти от огненной дуги, взмахом руки рассек ее, открывая проход. Он выпрямился опустив руки от груди к животу с глубоким выдохом, выравнивая дыхание, выравнивая собственные эмоции и силу. Баланс. Держать баланс и сбить противника с него. Это кратчайший путь.

Секундная задержка, широкий шаг вперед, прямой удар правой, затем левой, снова правой, снова левой, и так 10 раз. На каждый удар с ладони Ляна слетал огненный шар с метр в диаметре. Первые три кометами понеслись прямо на Гаосина, следующие 4 по бокам - два справа и два слева, с тем, чтобы обойти и ударить с флангов и сзади. Последние три по навесной траектории, их противник уже не мог видеть за первыми.

Ветер Перемен

Поединок был долгим и трудным, но в конечном итоге вождь Белых Тигров одержал победу, лишив жизни предателя, для которого личные желания оказались более важными, чем честь и интересы клана.
